

16. Если иероглиф 超 chāo означает «перешагнуть (перепрыгнуть, перенестись) через; вскочить на; переправиться (проехать) через; перейти, пересечь», то ключ в этом иероглифе находится... и означает...

17. Если иероглиф 蹇 jiǎn означает «хромой, колченогий; хромая, припадая на ногу; непослушный, непокорный», то ключ в этом иероглифе находится... и означает...

18. Если иероглиф 运 yùn означает «перемещать, двигать, перевозить, транспортировать», то ключ в этом иероглифе находится... и означает...

19. Если иероглиф 银 yín означает «серебро; серебряный; инкрустированный серебром; серебристый; серебряные деньги», то ключ в этом иероглифе находится... и означает...

Большую помощь студентам в этом упражнении оказывает перевод иероглифа. Кроме того, в данных контекстах студенты могут познакомиться не только с одним, основным значением ключа, но и со всем спектром его значений. Надеемся, что данные типы упражнений помогут коллегам в великом деле сближения двух наших великих культур — русской и китайской.

В. М. Русаков

Институт международных связей

PR-проект «Конфуций»

С порога заметим, что, нисколько не сомневаясь в историчности конкретной личности знаменитого учителя Кун-цзы, производя дискурс-анализ жизнеописаний и корпуса источников, приписываемых Учителю, мы приходим к выводу о том, что Учитель Кун есть не что иное, как грандиозный PR-проект, осуществленный в определенный период истории и культуры Китая некоторыми интеллектуальными силами, осуществлявшими определенный социальный заказ. Первые шаги осуществления данного проекта показали, что он способен выполнить целый ряд противоречивых социально-политических и культурно-исторических функций, что и обеспечило ему затем признание и поддержку. К реальному человеку

этот проект имел отдельное отношение, и отождествление их является с нашей точки зрения грубой ошибкой. Каковы же основные аргументы в пользу подобной точки зрения? Рассмотрим их.

1. Канонизация жизнеописания и корпуса текстов Учителя начинается как минимум 500 лет спустя после смерти Учителя — даже не его учениками, а «учениками учеников учеников Учителя». Никаких достоверных свидетельств сколько-нибудь существенного влияния деятельности исторического персонажа по имени Кун-цзы в истории Китая не зафиксировано: наоборот, все «факты» значительного влияния конфуцианства относятся к периоду, когда более чем 500 лет спустя были составлены его «поучения» и написана каноническая биография Учителя. Детали биографии сосредоточены большей частью в «Исторических записках» Сыма Цяня (род. в 145 или ок. 135 г. до н. э., умер ок. 90 г. до н. э.). Не забудем, что первые попытки хоть как-то закрепить память предка, все-таки «выбившегося в люди», не погибшего в нищете, были предприняты его родственниками в соответствии с традициями. Они не выходили за рамки общепринятого. Более того, вскоре в эпоху Цинь память о Конфуции была предана забвению¹. Только после падения Цинь возрожденное конфуцианство достигло статуса государственной идеологии, который, пройдя ряд преобразований, сохранился до начала XX в.

2. О каком «корпусе источников» может идти речь в случае Конфуция? Ничего им написанного или хотя бы засвидетельствованного нет. Все «сочинения» сочинены отдаленными, даже не учениками, а людьми, которые строили в своем воображении некий желаемый образ Учителя. Как известно, сам Учитель ничего не написал из того, что можно было бы отнести к «конфуцианству» — «Из классических книг произведением Конфуция несомненно можно считать только Чуньцю (“Весна и Осень”, *летопись* удела Лу с 722 по 481 г. до н. э.))»²; затем, весьма вероятно,

¹ Общеизвестно, что в 213 г. до н. э. был издан указ о сожжении неслезовенных (прежде всего конфуцианских) сочинений, находящихся в частном владении, а в 212 г. до н. э. были казнены 460 конфуцианцев, и значительное их число было «сослано на границы».

² Чуньцю («Вёсны и осени») — хроника древнекитайского государства Лу, охватывающая период Чуньцю (с 722 по 479 г. до н. э.) Это древнейший китайский текст летописного плана. Крайняя его сжатость (объем текста 16 257 иероглифов) требует постоянного комментария излагаемых событий. Из десятков таких комментариев сохранились лишь три, наиболее ценным из которых является комментарий Цзо, скорее всего, представляющий собой независимое

он редактировал Ши-цзин («Книгу стихотворений») — это собрание народных песен, передававшихся изустно. В этом отношении Конфуций напоминает Сократа, также ставшего известным благодаря своему ученику (по крайней мере, непосредственному!), который и приписал корпус известных воззрений своему учителю.

3. Не менее значим тот факт, что в PR-проектах большую роль играет всевозможная мифологизация. В отношении Конфуция это можно видеть в полной мере. (А) Обстоятельства рождения и жизни Учителя подвергаются мифологизации по мере канонизации и упрочения культа (от самого зачатия и рождения до внешнего облика. (Б) Противоречивость жизнеописания: там, где есть возможность хоть какого-то исторического сопоставления и установления фактов — там мы видим довольно скромный персонаж уездного провинциального не очень удачливого чиновника, честолюбиво стремившегося сделать карьеру, любой ценой «выбиться в люди». (В) Успехи его в профессиональной области весьма скромны (уездный «надзиратель за стадами», «управитель амбаров» и т. п.), а вот в канонизированных вариантах нам уже представлен образ крупного педагога с громкой славой Учителя, государственного деятеля, учившего князей и императоров мудрости управления, глубокого мыслителя, поражавшего всех своей мудростью. (Г) Наконец, количество учеников и последователей, очевидно, в реальности скромное (действительно, в пределах тех, скорее всего, 26 несомненных и порядка 70 всего, которых хоть как-то можно было вспомнить (они приносили скромную плату)). Но в культовой версии число учеников Конфуция определяется китайскими учеными до 3000.

4. Важным признаком PR-акций является сознательный характер всевозможных актов институционализации: официальное оформление «школы», создание «традиции», разработка «обрядов», организация государственных учреждений (библиотек, музеев, храмов, учебных заведений, тиражирование канонизированных текстов и т. п.). В этом плане можно отчетливо фиксировать все эти технологические приемы, осуществленные для превращения провинциального, не очень успешного чиновника для мелких поручений в «гиганта мысли», «великого Учителя». В период правления императора Мин-ди (58–75 гг. н. э.), т. е. **600 лет спустя**, конфуцианство было провозглашено **официальной идеологией империи**,

от Чуньюю историческое сочинение. Уже во времена Мэн-цзы составление анналов приписывалось Конфуцию, хотя их авторами были в первую очередь, по-видимому, придворные хронисты династии Лу.

что сопровождалось дальнейшим упрочением сакрального и ритуального статуса Конфуция в период Поздней Хань (25–220). Об этом свидетельствует как постепенная структуризация собственно обрядовой стороны почитания Конфуция, так и оформление пантеона, связанного с Учителем. Указом от 85 г. н. э. жертвоприношения Конфуцию стали сопровождаться церемониальной музыкой и танцами, что означало повышение их религиозного статуса. В конце II в. был установлен график обязательных жертвоприношений в Цюйфу (170 г.). Кроме того, в убранство святилища были введены его изображения (178 г.). Однако указанные обряды почитания Конфуция проводились лишь в семейных храмах (в Цюйфу и других храмах, основанных потомками Кун-цзы) либо же на алтарях, сооруженных последователями его учения. Совершенно ясно, что все это знаково-символическое «богатство» никак не вытекало из идей (учения) учителя Куна, а пошло совершенно внешний по отношению к нему характер.

Следующий этап эволюции культа Конфуция соотносится с эпохой Шести династий (Лю-чао, III–VI вв.). Важным шагом по пути его превращения в **государственный культ** стало проведение литургических акций в столичных учреждениях. **Впервые** столичный обряд в честь Конфуция, сопровождаемый жертвоприношением, был исполнен почти 700 лет спустя (241 г.) в царстве Вэй (220–265) периода Саньго (Троецарствие, 220–280). Местом его проведения послужило главное на тот момент высшее учебное заведение страны — Императорское училище (Биюн). Обряд **повторили** тридцать лет спустя в 271 г. при династии Западная Цзинь (265–271), сменившей царство Вэй, и впервые под руководством непосредственно наследного принца. **Эпизодически** он исполнялся и в дальнейшем, при южно-китайских династиях, в частности, сто лет спустя — в 375 г. и при участии уже лично императора. Кроме литургических церемоний, осуществляемых в высших государственных учреждениях, в эпоху Шести династий установилась также практика ритуалов ши дэнь, связанная с церемонией обучения наследника престола. В историографии до сих пор остается открытым вопрос о времени строительства первого святилища Конфуцию **за пределами Цюйфу** (уездного города). Высказывается предположение, что впервые такое святилище было возведено в 454 г., т. е. **1000 лет спустя**, после того как Южно-Китайское государство (династия Лю Сун — Южная Сун, 420–478) окончательно лишилось доступа к Цюйфу из-за полного завоевания Шаньдуна (449–450) войсками тобийского царства Северное Вэй (Тоба Вэй, 386–533). Оно было

построено, вероятно, на государственные деньги, но вне территории столицы и предназначалось для того, чтобы стать своего рода **семейным святилищем потомков Конфуция**, которые осели на Юге.

В результате дискуссий (при дворе Лю Сунн) годом позднее (455) Конфуцию был присвоен посмертный титул шан гун («старший гун»), бывший в эпоху Чжоу (XI–III вв. до н. э.) рангом знатности, следующим за царским титулом (ван). Соответствующие изменения были внесены и в литургию: увеличение числа танцоров и музыкальных инструментов, сопровождавших жертвоприношения, до количественного состава, предписанного для данного ранга в «Ли цзи». О святилищах Конфуцию (но без уточнения их местоположения) и о поминальных ритуалах, проводимых в них по августейшему повелению, упоминается и для династии Южная Ци (479–502).

Первым же конфуцианским столичным (государственным) святилищем полагается храм, возведенный в 506 г. при династии Лян (502–557) по приказу ее основателя и первого монарха — императора У-ди (502–549). Все храмы Конфуцию, включая поминальное святилище, получили общее терминологическое название Кун-цзы мяо («Кумирни/святилища Учителя Куна»).

Култ Конфуция получил также распространение в государствах, основанных некитайскими народностями на Севере Китая (районы бассейна Хуанхэ). В 489 г. храм Конфуцию был построен в столице (г. Пинчэн, совр. Датун, пров. Шэньси) Северного Вэй. В 580 г. — в столице (Чанъань, на месте совр. г. Сиань, пров. Шэньси) царства Позднее Чжоу (556–581). Окончательное утверждение культа Конфуция как государственного, сопровождавшееся дальнейшей унификацией его процедурного аспекта, произошло при империи Тан (608–907).

5. Крайняя противоречивость «текстов», приписываемых Учителю, свидетельствует о том, что строится PR-проект, а не разрабатывается конкретно-историческое учение (доктрина). Более того, в отличие от современных ему течений, представленных подлинными историческими персонажами и достаточно определенно авторизуемыми и верифицируемыми текстами, стиль конфуцианства формируется как предельно размытый, неопределенный, с «мерцающими» смыслами, открывающими широкие поля отождествлений. В практическом отношении это весьма удобная идеологическая платформа, которая характеризуется тем, что «в ней все есть». Известный историк Гердер, критически оценивающий китайскую культуру как оторванную от иных народов, косную и неразвитую, также

немало нелестного сказал и о Конфуции. По его мнению, этика Конфуция способна породить только рабов, закрывшихся от всего мира и от нравственного и культурного прогресса. В своих лекциях по истории философии Гегель скептически оценивает тот интерес к конфуцианству, который имел место в Западной Европе в XVII–XVIII вв. По его мнению, в «Лунь Юй» нет ничего замечательного, а есть лишь совокупность банальностей «ходячей морали»³. В настоящее время большинство учёных согласны с тем, что единственный текст, действительно представляющий его идеи, — это «Лунь юй» («Беседы и суждения»), который был составлен из школьных записей Конфуция его учениками уже после смерти мыслителя. Многие высказывания Конфуция содержатся в других ранних текстах, например «Концзы цзя юй». Даосская традиция (конкурирующая) в принципе снижает канонический образ учителя Куна, отказывая ему в познании истинных глубин мудрости и снисходительно оставляя ему лишь область в лучшем случае довольно примитивного «здорового смысла» и обыденного сознания. Анекдоты с участием учителя Куна, иногда пародийного свойства, распространены в даосской литературе. Но при целостном взгляде на конфуцианский комплекс видно, что куда большее внимание в нем уделено разработке технологии отправления культа Конфуция — содержанию и сложности обрядов и церемоний, устройству храмов и их наполнению, составлению календаря обрядов, разработке и утверждению пантеона учеников и последователей и т. п.

6. Однако какую мораль мы можем извлечь из подобного способа рассмотрения? Прежде всего, такой взгляд снимает мистификацию с фигуры и учения Конфуция: становится понятным, почему при наличии культа и обрядов конфуцианство не является религией. Кстати, аналогичные опыты разработки культов известны: обожествление императоров в Древнем Риме, попытки разработки и внедрения в общественную

³ «Мы обладаем беседами Конфуция со своими учениками, в которых нет ничего замечательного, а есть лишь ходячая мораль в хороших, дельных поучениях, которые мы находим всюду у всех народов и к тому же еще лучше выраженными; De officiis Цицерона, представляющая собою книгу назидательных нравственных проповедей, дает нам больше, чем все книги Конфуция. Последний является, таким образом, проповедником практической мудрости; у него совершенно нельзя найти никакой спекулятивной философии, а на основании собственных его произведений можно сделать заключение, что для его славы было бы лучше, если бы они не были преследованы. Произведения, изданные иезуитами, представляют собою, однако, скорее парафраз, чем перевод» (Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии : в 2 кн. СПб., 1994. Т. 1. С. 70).

жизнь культа Верховного Разумного Существа в эпоху Великой Французской революции, создание светской религии марксизма-ленинизма и культа Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Во-вторых, подобный подход эвристически значимым образом переориентирует наше внимание в исследовании конфуцианства с внешней обрядовой и культовой стороны на поиски тех социальных групп в Китае, интересы которых была призвана выразить и обосновать новая «светская религия» — конфуцианство. Но понимание конфуцианства как грандиозного (исторически объемного и успешного) PR-проекта обращает наше внимание на третий аспект: как с его помощью была успешно и позитивно осуществлена репрезентация интересов правящих социальных групп всему прочему обществу. Вот почему в конечном счете оказалось фактически не столь неважным теоретическое содержание того корпуса высказываний, которые были объединены в комплекс под названием «конфуцианство».

Н. В. Смирнова

Петрозаводский государственный университет

**Китайская лирическая поэзия
эпохи Тан (VII–X вв.) в университетском курсе
«История стран Азии и Африки в Средние века»**

Курс лекций по истории стран Азии и Африки в Средние века предполагает изучение истории и культуры Китая. Для знакомства с культурой Китая в средневековую эпоху бывает недостаточно собственно исторических источников и суховатого изложения учебника — китайская поэзия в высококвалифицированных переводах помогает ввести аудиторию в подлинные китайские реалии той эпохи.

На историческом факультете Петрозаводского государственного университета нет специального курса для изучения культурного развития стран средневекового Востока в разные периоды. История средневекового Китая требует внимания к проявлениям его культуры, тем более что мы имеем такие блестяще переведенные на русский язык стихи китайской средневековой классики.